

- 1) более общие системы нарицательных и собственных имен (языковая среда);
- 2) система пермских текстов разных жанров (жанровая среда);
- 3) система этносов исследуемого региона (социальная среда).

Поскольку «функциональная организация системы обусловлена отражением, т.е. свойством материальных систем в процессе взаимодействия запечатлевать и сохранять в своей структуре следы воздействия других систем [14, с. 156], функционирование этнонимической системы отражает взаимодействие перечисленных выше систем.

Названные системы являются системной средой для этнонимии и образуют этнокультурное пространство Пермского края. Этнонимы (элементы этнонимической системы) формируют ресурсы текстовой системы, а также системы ИС.

Взаимодействие системы пермских этнонимов и системы нарицательной лексики проявляется прежде всего в том, что этнические имена часто употребляются в нарицательном значении. От них образуются:

1) названия одежды: «*Татарка* – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками; воротник из матерьялу» (д. Тюлькино Соликамского района);

2) названия растений: «*Татарка* на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась» (д. Дуброва Еловского района) и др.

Этнические имена являются основами топонимов и антропонимов исследуемого региона – Пермского края.

В рассмотренных списках населенных пунктов за разные годы большую часть составляют этноойконимы, в основе которых лежит отэтнонимическое прозвище. Это говорит о том, что основной путь именованья от этнонима к ойкониму – через прозвище. Значительную часть составляют ойконимы, образованные от этнонимов, причем число их все время увеличивается. Данный факт можно объяснить тем, что в начале XIX – начале XX вв. шла активная консолидация и ассимиляция народов Прикамья, продолжались процессы межэтнического взаимодействия, что способствовало формированию и развитию национального самосознания, а потому в случае возникновения поселения необходимым считалось обозначить этническую принадлежность его жителей. Сокращение числа этноойконимов, образованных от гидронимов, можно объяснить тем, что в XX в. реки переставали быть местами сосредоточения людей, т.к. утрачивали свое прежде важнейшее значение – быть путем сообщения. Также в образовании этноойконимов активное участие принимали не только отэтнонимические прозвища, которые ближе других слов стоят к этнониму, но и отэтнонимические фамилии, катойконимы, имена, прозвища, образованные на основе этнонимического значения этнического имени. Однако нужно заметить, что определить, в каком из своих значений – прямом или отэтнонимическом – этноним стал основой ойконима, в ряде случаев очень сложно.

Функционирование этнонимов определяется социокультурным взаимодействием, отражает языковую картину мира жителей Пермского края. Поэтому рассматривать их необходимо с учетом включения коммуникативного процесса в социокультурное взаимодействие. В лингвистических работах такое комплексное явление описывается как дискурс.

В лингвистическом плане в структуре дискурса можно выделить социальный фактор (в данном случае многонациональный состав жителей исследуемого региона), типы коммуникативных ситуаций (разговорно-бытовая речь, научный текст, деловые документы и т.д.), лексикон (названия народов), а также концептуальную картину мира, ядром которой является концепт «этнос».

Перспективой данного исследования является описание функционирования этнонимов в разных типах дискурса: художественном, научном, деловом, бытовом. Подобное описание позволит выявить общие черты этнонимической системы и особенности репрезентации категории этничности в разных типах текстов.

Литература

1. Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. Ч. 1. – Омск, 2000.
2. Чагин Г. Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. – Пермь, 1999.
3. Агеева Р. И. Какого мы роду-племени: Словарь. – М., 2000; Ковалев Г. Ф. История русских этнических названий. – Воронеж, 1982; Шапошников В. Н. Историческая этнонимика: Учебное пособие. – СПб., 1992.
4. Иванов С. С. Этнонимы современного русского литературного языка. Дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1987; Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. – Л., 1973; Супрун В. И. Семантическая и словообразовательная структура славянских этнонимов. – Л., 1976.
5. Ковалев Г. Ф. Этнос и имя. – Воронеж, 2003; Курьянова А. И. Этнонимы в текстах А. С. Пушкина // Проблемы творчества А. С. Пушкина: Материалы науч. конф. – Магадан, 2000. – С. 48-50.
6. Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). – Барнаул, 2002.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
8. Чесноков И. И. Культурные концепты и ономастическое пространство языка // Ономастика Поволжья: Материалы IX конференции. – М., 2004. – С. 91 – 96.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996.
10. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени: Словарь. – М., 2000.
11. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. – СПб., 2005.
12. Рыко А. И. Русские “иностранцы” (народные микроэтнонимы и изоглоссы) // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. – Петрозаводск, 2001. – С. 17-23.
13. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988.
14. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – М., 1994.

Слива Т. В.

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КАУЗЕМЫ *ОСЕНЬ* С РЕФЛЕКСАМИ

В последнее время наряду с традиционным подходом к изучению лексико-семантических парадигм на основе семантических корреляций (Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов, В. И. Кодухов, А. М. Кузнецов, Л. А. Новиков, Ж. П. Соколовская, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.) лингвисты все чаще используют ситуативно-тематический подход (Л. М. Васильев, В. В. Морковкин, И. В. Шадурский и др.).

Давно замечено, что слово не только указывает на определенный предмет, но и вызывает целую сеть связанных с ним дополнительных образов, близких по экстралингвистическому или лингвистическому контексту, по

предыдущему опыту и т. п. Такие комплексы значений принято называть “ассоциативными значениями”. А система соотносительности слов в процессе их употребления – это система ассоциативных связей слов.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают, что семантика слова не исчерпывается только лексическим понятием. Лексическое понятие реализует классифицирующую и номинативную функцию языка, однако в значении слова присутствует компонент, соответствующий кумулятивной функции. Каждое слово вызывает у человека цепь ассоциаций – сведений о слове, которые образуют его *лексический фон* [1, с. 57]. Актуализация “фоновых знаний” зависит от потребности, от речевой ситуации. Именно лексический фон слова определяет его тематические (идеографические) связи, сочетаемость с другими лексемами.

Для обозначения лексических объединений, образованных на основе общности сферы функционирования и использования их компонентов, предлагаются различные названия: тематические, или предметно-отраслевые группы (И. П. Слесарева, И. В. Шадурский), тематико-понятийные классы (В. И. Половникова), тематические поля (М. И. Горелова, Д. М. Магомедова), ситуативно-тематические поля (Г. А. Мартинович).

Мы объединили оба упомянутых подхода, что позволило нам выделить особую лексическую парадигму – **ассоциативно-семантическую группу (АСГ)**. Данная парадигма представляет собой совокупность лексем, обозначающих понятия, объединенные причинно-следственными связями и наряду с этим имеющие в семантической структуре одинаковые семы, которые находятся в особого рода отношениях.

В традиционно выделяемые лексические парадигмы слова входят на основе общих семантических признаков, занимающих либо ядерное, либо приближенное к ядерному положение. Специфичность АСГ состоит в том, что отношения между ее членами также определяются наличием общих сем, однако те семы, которые в семантической структуре исходного слова являются периферийными, на лексическом уровне эксплицируются в слова, для которых данное значение становится ядерным, а на периферии их семантической структуры представлена та сема, которая выступает ядерной в семантической структуре слова-вершины. По данным “Русского ассоциативного словаря” существует ассоциативная связь между словами *осень* и *дождь*. При этом в семантической структуре слова *осень* в пределах семантического признака ‘вид осадков’ выделяется сема ‘дождь’, которая квалифицируется как периферийная. Это значение на лексическом уровне репрезентировано словом *дождь*, в семантической структуре которого в пределах семантического признака ‘время реализации’ выделяется периферийная сема ‘осень’. Исходное слово АСГ определяется как каузема, по отношению к которому остальные слова – рефлексемы¹. АСГ, вершины которых входят в одну ЛСГ, формируют **ассоциативно-семантический комплекс (АСК)**.

Все рефлексемы группируются с учетом того, с каким семантическим признаком в структуре кауземы они соотносятся. Некоторые из этих признаков выступают в качестве гиперсеммы для нескольких рефлексем, что позволяет их объединить либо в ЛСГ, либо в ТГ. Для того, чтобы избежать необходимости систематизировать их в этом плане, мы лишь указываем на их общность в плане тождества номинации явлений, предметов одного класса. Это дало возможность распределить рефлексемы по **денотативным зонам**. Например, семантический признак ‘вид осадков’ выступает гиперсеммой для слов *дождь*, *ливень*, *град*, *снег*, которые относятся к одной денотативной зоне.

Таким образом, каузема и рефлексема образуют *ассоциативно-семантическую пару*, в которой каждое из слов может рассматриваться либо как каузема, либо как рефлексема. Любое из них в роли рефлексемы вступает в тот же вид связи, то есть ассоциативно-семантическую связь, с другими словами, по отношению к которым данная лексема, оставаясь рефлексемой “исходной” кауземы, само выступает кауземой по отношению к другим словам. В свое время Ч. Осгуд пришел к выводу, что “...ассоциативная реакция может быть либо прямо связанной с исходным словом, либо опосредованной внутренним скрытым ответом (выделено нами – Т.С.)” [2, с. 21]. Таким образом формируется ассоциативно-семантическая группа второго уровня (АСГ_{II}), рефлексемы второго уровня выступают как кауземы для АСГ третьего уровня (АСГ_{III}) и так далее. В совокупности члены АСГ всех уровней, непосредственно или опосредованно семантически связанные с “исходной” кауземой, образуют ассоциативно-семантический комплекс. Например, в ассоциативно-семантический комплекс слова *осень* только посредством рефлексемы *дождь* входят слова *лужа*, *слякоть*, *грязь*, *туча* и др.

Возможность такого структурирования слов, связанных ассоциативной связью, имеющей семантическое обоснование, подтверждается результатами исследований психологов, которые установили, что “между любыми двумя словами (понятиями) может быть реализована ассоциативная связь (выделено нами – Т.С.) через малое число (в среднем три) ассоциативных шагов переходов, каждый из которых представляет собой прямую ассоциативную связь...” [2, с. 28], а также “правилом шести шагов” Ю. Н. Караулова: “в словаре нельзя найти такую пару слов, между которыми не существует семантической связи (выделено нами – Т.С.) ... цепочка, связывающая два любых слова в словаре, не только всегда существует, но для произвольно выбранных слов она никогда в сумме не превышает шести шагов до общего элемента” [3, с. 76-77]. Кроме того, А. П. Клименко в диссертационном исследовании “Проблемы лексической системности в психолингвистическом освещении” пришла к выводу, что отношения в паре “стимул-реакция” должны иметь семантическую основу [4].

В ходе исследования мы также основывались на утверждении А. П. Клименко о том, что фундаментом ассоциирования является возможность встречи стимула и ассоциации в рамках одного ограниченного текста [4, с. 5]. К подобному заключению пришла и Т. М. Рогожникова: “...текст является благодатным материалом... для формирования и развития ассоциативной структуры значения слова” [5, с. 96].

В качестве примера рассмотрим АСК с кауземой *осень*.

В семантической структуре лексемы *осень* представлены темпоральные, качественно-темпоральные и качественно-предметные семантические признаки. В пределах темпорального признака данная лексема ассоциативно-семантически связана с названиями других сезонов посредством значений ‘переходный сезон’ (*весна*) и ‘следование во времени’: ‘предыдущий сезон’ (*лето*), ‘последующий сезон’ (*зима*), расположенных на первом уровне АСК: “*Стояла та обманчивая и удивительная ялтинская осень, когда нельзя понять, доцветает ли весна или расцветает прозрачная осень*” /К. Паустовский/, “*Но лето быстрое летит, настала осень золотая*” /А. Пушкин/.

Признак 'единица измерения времени' реализуется в названиях осенних месяцев (*сентябрь, октябрь, ноябрь*): "*По календарю сентябрь – осенний месяц*" /Н. Плавильщиков/.

Названия месяцев в свою очередь являются кауземами для рефлексем второго уровня, обозначающих осенние созвездия Зодиака (*Дева, Весы, Скорпион*) и осенние праздники (*Воздвижение, Покров, День знаний*): "*На Покров до обеда осень, а с обеда зима*" /Нар. тв./.

Квалитативно-темпоральные признаки ('долгота светового дня', 'температурный режим', 'вид осадков') также реализуются в рефлексемах первого уровня. Значение 'долгота светового дня' представлено в раздельнооформленной рефлексеме *уменьшение светового дня* ("*Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало, Короче становился день...*" /А. Пушкин/), которая образует ассоциативно-семантическую пару с рефлексемой второго уровня *осеннее равноденствие* ("*Астрономы считают началом осени день осеннего равноденствия – 23 сентября, когда день по долготе равен ночи*" /Г. Граубин/).

Денотативную зону названий температуры воздуха представляют рефлексемы с ядерной семой 'холод': *холод, стужа, мороз, утренних, заморозок, прохлада*: "*Осень начинается с первых заморозков*" /М. Гумилевская/, "*Осень... яблоки ждут не дождутся сбора... словно почувствовавшие, что скоро утренник первый пронизает их*" /Н. Рыленков/. А на втором уровне АСК представлены их рефлексемы *лед, ледостав, рекостав, ледоход*.

Понижение температуры способствует образованию сплошного ледяного покрова водных поверхностей. Замерзшие водоемы – одна из отличительных примет зимнего сезона, однако процесс замерзания может начаться еще осенью, если установится достаточно низкая температура. Поэтому с *зимой* слова *ледостав* и *рекостав* связываются интегральная сема 'лед' (в первом слове представленная эксплицитно), с *осенью* – темпорально-обстоятельственное значение 'время замерзания' ('начало замерзания'): "*Под осень, накануне ледостава...*" /К. Симонов/.

Осенью, в начале образования, лед еще не так прочен, как зимой, поэтому образуется оппозиция *осенний лед* – *зимний лед*. При этом в связи с осенью в слове *лед* актуализируются семы 'первый', 'тонкий', 'более тонкий, чем зимой', 'непрочный', 'менее прочный, чем зимой', которые могут получать экспликацию в контексте: "*Славная осень!.. Лед неокрепший на речке студеной. Словно как тающий сахар блестит*" /Н. Некрасов/, "*...осень окружит тебя и начнет настойчиво дышать в лицо... горьким запахом первого тонкого льда*" /К. Паустовский/. Для выражения неполноты признака используется также эвалюатив *ледок*: "*...много примет осени... По лугам дул ветер, а в лесах стояла похрустывающая ледком сумрачная тишина*" /К. Паустовский/.

Периферийный семантический признак 'осадки' в лексеме *осень* репрезентируется семами 'дождь', 'снег' и 'ненастье'. Следовательно, рефлексемы, в которых данные семы представлены как ядерные определяют в АСК состав денотативных зон первого уровня.

Все участники ассоциативного эксперимента представили лексему *дождь* как ассоциат слова *осень*, что обусловлено, естественно, экстралингвистическими причинами: ни в один из сезонов не выпадает такое количество дождевых осадков. Значимость данного вида осадков для осеннего сезона подтверждается тем, что в тексте может происходить коммуникативная замена рефлексемы кауземой: "*Падал снег, плыл рассвет, осень моросила...*" /Л. Дербенев/.

Эта особенность определяет и семантическую структуру кауземы, в которой наряду с признаком 'вид осадков' представлен градуальный признак 'степень проявления признака вид осадков'. Если в сочетании со словом *летний* в лексеме *дождь* актуализируется значение 'очень сильный' ('проливной'), то с прилагательным *осенний* – 'очень продолжительный': "*Нашу долю заносит метелью, Заливает осенним дождем...*" /М. Светлов/, которое часто эксплицируется в контексте: "*Приходит осень... Трава полей От продолжительных дождей К земле прижалась...*" /М. Лермонтов/, "*Наступила погода осенняя, Бесконечные льются дожди*" /С. Есенин/. Для лексического выражения значения продолжительности также может использоваться форма множественного числа слова *дождь*: "*Настала поздняя осень, секущая лицо острыми холодными дождями*" /В. Пикуль/.

Осеннему сезону свойственны продолжительные мелкие дожди. Значение 'мелкий' зачастую эксплицируется в тексте: "*Осенний, мелкий дождь с ветром так и рубил в поднятое окно...*" /С. Аксаков/. Кроме того, именно с осенью связывают понятия *изморось* и *морось* (названия мелкого дождя): "*И плач был странный, похожий на затяжную осеннюю морось*" /Б. Акунин/.

Дождь не единственный характерный для осени вид осадков. Экстралингвистический фактор соположенности времен года обуславливает семантическую связь со словом *осень* лексемы *снег*: выпадение снега происходит на рубеже осеннего и зимнего сезонов, то есть, в конце осени. "Распределение" осадков в пределах осеннего сезона нашло отражение в народном творчестве: "*Лебедь летит к снегу (в позднюю осень), а гусь к дождю (ранней осенью и весной)*".

При использовании в контексте со словом *осень* в названной рефлексеме актуализируются значения 'первый', 'не такой сильный, как зимой'. Эти значения могут также актуализироваться в прилагательном *осенний*, либо быть выражены путем использования интенсификатора *снежок*: "*В полдень дождь перестал, И, что белый пушок, На осеннюю грязь начал падать снежок*" /И. Никитин/, "*Легкий осенний снежок лег на крокетной площадке*" /А. Ахматова/.

В пределах рассматриваемой АСГ выделяется денотативная зона названий ненастной погоды, в рамках которой интегральной выступает сема 'ненастье'. Несмотря на то, что ненастной может быть погода в любое время года, данная сема как периферийная выделяется только в словах *осень* и *зима*, что обусловлено особенностями сезонов: похолодание, обилие дождей (снега), усиление ветра и другие метеорологические явления, которые в совокупности воспринимаются как ненастье.

Ядерной названная сема представлена в лексемах-синонимах *ненастье непогода*: "*Непогода – осень – куришь...*" /А. Фет/, "*Уж знает Осень, что такой Глубокий и немой покой – Предвестник долгого ненастья*" /И. Бунин/.

Слово *дождь* ассоциативно-семантически связано с рефлексемами, обозначающими явления, вызванные дождем (*лужа, грязь, слякоть*), которые представляют второй уровень АСК.

В семантической структуре лексем *лужа* и *грязь* признак 'причина образования' может быть представлен семей 'дождь'. Ассоциативно-семантическая связь рефлексом данной зоны как с непосредственной, так и с "исходной" кауземой подтверждается на уровне текста: "*Весной ведро воды – ложка грязи; осенью ложка воды – ведро грязи*" /Пословица/, "... *Кокосцев был выпушен из тюрьмы осенью... и, шлепая по лужам, сильно озяб, пока под дождем пешком добирался до своего дома*" /В. Пикуль/, "*Но в осеннюю слякоть В засасывающий дождь В широкие двери рабфака Спешит молодежь*" /М. Светлов/.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило возможность существования такого типа парадигм, как ассоциативно-семантическая группа и ассоциативно-семантический комплекс. Перспективу исследования составляет изучение роли слов одного АСК в организации художественного текста.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: "Русский язык". – 1983. – 269 с.
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистические исследования. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 208 с.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976. – 355 с.
4. Клименко А. П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении. Автореф. дис. ... докт. фил. наук. – Минск, 1980.
5. Рогожникова Т. М. Ассоциативная структура значения слова и процесс понимания текста // Психолингвистические проблемы семантики / Сб. науч. трудов. А. А.Залевская (Отв.ред.) – Калининский гос.ун-т, Тверь. – 1990. С. 96-100.

Примечания

¹С целью подчеркнуть собственно лингвистический (а не психолингвистический) подход к анализу данной группы слов, считаем целесообразным отказаться от терминологии, принятой в психологии и психолингвистике при изучении ассоциаций. Для обозначения слова, выполняющего роль стимула (ассоцианта) в ассоциативном эксперименте, в нашей работе используется термин *каузема* (от лат. causa – причина). Слова-реакции, или ассоциаты (в терминологии психолингвистов), семантически связанные с кауземой, обозначаются словом *рефлексема* (от лат. reflexus – "отражение, следствие чего-н").

Смирнова Е. А.

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЯ ТЯПИНСКОГО В СРАВНЕНИИ С ЯЗЫКОМ ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ

Цель данного исследования – изучение «простой мовы», письменного языка Литовской Руси конца 16 – начала 17 века, в частности описание его морфолого-синтаксического строя в сравнении с церковнославянским языком Острожской Библии 1581 года.

Издание Тяпинского состоит из церковнославянского обычного текста Евангелия и из параллельно с ним оттиснутого западно-русского перевода. Издать текст целиком он не успел: в Российской национальной библиотеке хранится один из двух сохранившихся экземпляров, состоящий из Евангелия от Матфея и начала Евангелия от Марка. Так как в дальнейшем мы планируем сравнивать данное Евангелие с другими, также написанными на «простой мове», для изучения было выбрано Евангелие от Матфея, напечатанное целиком.

Василий Тяпинский не только переводчик Евангелия, но и деятельный член сочинанской секты; его предисловие к Евангелию представляет собою весьма видный памятник политической литературы того времени. Он был единомышленником и сподвижником Симона Будного, белорусского реформатора и переводчика Библии на польский язык. В организованной им в Несвиже типографии Будный издал собственный перевод Библии с еврейского языка на польский («*Budny Biblia*», Nieswicz, 1572). Это издание и послужило оригиналом для перевода Евангелия В. Тяпинского около 1580 г. на "простой язык", или «просту мову».

Для выявления синтаксических особенностей «простой мовы» текст Евангелия Тяпинского сравнивался с церковнославянским текстом Евангелия от Матфея Острожской Библии (ОБ), изданной в 1581 г. Для анализа польских заимствований на синтаксическом уровне использовался текст Гданьской Библии (ГБ), впервые изданной в 1606-1632 гг. Что касается греческого источника, использовался «Эльзивировский» текст Нового Завета — текст семи изданий семьи Эльзевиров (1624-1678) [1].

Сочинительные связи в Евангелии Тяпинского в основном представляют интерес с точки зрения происхождения союзов. В тексте в большом количестве используются сочинительные союзы малороссийского происхождения: **або** (*или*), **але** (*а, но*) — эти союзы сохраняются и в современном украинском языке. Но особый интерес вызывает союз **лечь**. В словаре малороссийского языка (рукопись «Синонима словеноросская», переплетенная в одну книгу с грамматикой Мелетия Смотрицкого 1619 г.) это слово имеет перевод *же*, то есть трактуется как частица. Однако, судя по контекстам употребления (всегда в начале предложения) и по параллельным местам в польском издании Евангелия, в данном случае, скорее всего это всё-таки противительный союз. По-видимому, в большинстве случаев Тяпинский при переводе, сверяясь с польским источником, использовал вместо противительного союза *ale* (*а, но*) союз с тем же значением *lecz* (в славянской транслитерации: **лечь**): **Лечь** **иоан заборо-л ема, мовечия потребу** **штебе креститис, а ты идешь комне** (Мат. 3:14) — *Але му θαν βαρδζο ζαβρανιαε, μ ιω≠χ: θα ποτρζεβυφ, αβψμ βψε οχηρζχζονψ од χιεβие, α τυ ιδζειεσζ до мние?* (ГБ) — **Иоанн же взбран-ше ем' глК-** **азь треб'ю тобою крТ;титис, итыли гр-деши кьмн'у** (ОБ) — *f δε (же, а, но) ιω=ννη διεκ9λυεν ατ4ν, λ1γων, Εγ™ χρεφαν Υχω 7π4 σοε βαπτισθ|ναι, -κα9 σς ερχν пр4~ μ1,; а в некоторых случаях произошла транслитерация в чистом виде: **Мовиль имь• ижь моисей про тьвердосьть сердца вашого, велель вамъ опущати жоны ваши• д'учь** спочатку не было такъ (Мат. 19:8) — *Rzekł im; Mojżesz dla zatwardzenia serca waszego dopuścił wam, opuścić żony wasze, lecz z początku nie było tak* (ГБ) — **глКа имь, яко мовсий пожестосрьд'юо вашем' повел'у вамъ п'стити жены ваша. изначала же** **небысть тако** (ОБ) — *λ1γει α8το ~, %Οτι Μωσ~ пр4~ τ.:ν σκληροκαρδφαν -**

7μ_λν βπ1τρεψεν 7μ_ν #πολεσαι τ= γυνα_κα~ 7μ_λν | #π; #ρχ|~ δε (Σ, ϑ, ϛ) ο8 γ1γονεν ο"τω.
Также интересен союз **чиль** (*или*), польского происхождения (сравн. польск. *czyli* — то есть, иначе, или). Этот союз встречается, правда, в тексте реже, чем малороссийский союз **або** с тем же значением: **Рекь ема• тыль**